

Мо Цзиньхань поджал губы. На его еще не до конца сформировавшемся лице уже проступали четкие, изящные черты, а в глазах застыла непроглядная тьма. Маленький Вэньюй не мог понять, что там скрыто, и, решив, что тот сердится, зарыдал так сильно, что начал икать.

Мо Цзиньхань, казалось, о чем-то глубоко задумался. Лишь спустя долгое время он протянул руки, обнял его, позволив слезам впитаться в белоснежную ткань школьной формы, и теплой ладонью принялся бережно поглаживать его по спине.

В то мгновение его жест сработал словно выключатель, разом погасив весь страх, терзавший маленького Вэньюя.

— Не нужно извиняться, — еще по-юношески неумело утешал его Мо Цзиньхань. — То, что ты не знал, где искать врача, — это нормально. Ты ведь еще маленький.

— Но... ик... госпожа... у-у-у... госпожа сказала, что ты уже в четыре года умел...

— То, во сколько лет научился я, не имеет к тебе никакого отношения, — Мо Цзиньхань потрепал его по голове. — Мы — два уникальных человека, и сравнивать нас нет никакого смысла.

Маленький Вэньюй не понимал, что такое независимость и смысл, но, всхлипывая, продолжал:

— Она... госпожа... я ей не нравлюсь...

— Тебе не нужно ее одобрение.

Маленький Вэньюй тут же перестал плакать и захлопал глазами:

— Не нужно?

— Не нужно.

— Но если я ей не понравлюсь, она меня выгонит...

Мо Цзиньхань поджал губы и ничего не ответил. Он лишь продолжал поглаживать его по спине, пока ребенок окончательно не успокоился. Только тогда он разжал объятия, велел мальчику умыться, а сам принялся измерять ему температуру и вызывать врача.

— Готово, — Мо Цзиньхань зажал кончик термометра, и Жуань Вэньюй послушно отпустил его.

Доктор Чжоу принял прибор, взглянул на шкалу:

— Тридцать восемь градусов. Сначала дадим жаропонижающее. Если к вечеру лучше не станет, подумаем об уколах. Открой рот, я посмотрю.

Жуань Вэньюй послушно открыл рот и даже сказал «а», чтобы тому было удобнее осматривать.

— Воспаление миндалин, — доктор Чжоу убрал фонарик. — На днях пусть ест что-то легкое, больше пьет воды и отдыхает. Я выпишу лекарства на три дня, принимать трижды в сутки после еды...

Жуань Вэньюй лишь видел, как двигаются его губы, но смысл слов ускользал: стоило ему услышать слово, как он тут же его забывал. Голова была тяжелой, мысли путались.

Доктор Чжоу был личным врачом в этом доме. В обычное время его было не встретить, но стоило Жуань Вэньюю заболеть, как он прибывал немедленно, невзирая на время суток.

Помимо доктора Чжоу, за Жуань Вэньюем следили диетолог и специалист по здоровью. Эта троица приступила к работе, когда Вэньюю исполнилось шестнадцать, и их главной задачей было привести его здоровье в порядок.

До них сменялось несколько команд, но Мо Цзиньхань оставался недоволен. И только когда пришли доктор Чжоу и остальные, потратив год на кропотливое лечение, Вэньюй наконец набрал пять килограммов, подрос на три сантиметра, а болеть стал реже. Тогда их и утвердили окончательно.

— ...В обычное время можно добавить умеренные физические нагрузки для укрепления организма. Иначе с таким слабым здоровьем, как у него, лекарства плохо усваиваются. В Сичэне погода переменчивая, дни тянутся долго, это изматывает.

— Хорошо, я понял, — отозвался Мо Цзиньхань. Когда доктор закончил с назначениями и собрал вещи, он велел дяде У проводить его.

Жуань Вэньюй, обнимая подушку от дивана, вяло поднял на него глаза:

— ...Я не слабый.

Мо Цзиньхань слегка приподнял бровь:

— Твое мнение здесь не учитывается.

— ... — Хм.

Ненавистный Мо Цзиньхань!

Он будет помнить эту обиду! Он запишет все его злодеяния, увеличит их вдвое, вставит в рамку и повесит в его кабинете! Пусть видит, насколько он отвратителен.

— Сяо Юй, иди поешь каши, скоро время принимать лекарства, — дядя У попросил слуг накрыть на стол, добавив к каше два вида овощного гарнира.

Жуань Вэньюй, пошатываясь, подошел и сел. Живот был голодным, но горло так болело, что есть совсем не хотелось.

Мо Цзиньхань сел рядом, взял маленькую миску с фарфоровой ложкой, зачерпнул каши и поднес к его губам:

— Открывай.

Жуань Вэньюй сердито посмотрел на него, хотел что-то сказать, но ложка воспользовалась моментом и проскользнула между губ.

— Будь послушным, — Мо Цзиньхань скормил одну ложку и тут же потянулся за следующей.

Каша была свежесваренной, но уже успела остыть, и температура была как раз подходящей. Если бы Жуань Вэньюй ел сам, то, учитывая его болезненное состояние, он не осилил бы и половины миски, прежде чем она остыла бы окончательно.

Жуань Вэньюй попытался воспротивиться:

— М-м...

Его снова заткнули.

Он не успел произнести ни звука, но Мо Цзиньхань словно прочел его мысли:

— Доешь — и я перестану кормить.

— ...

Так он и так не будет кормить, когда тот доест!

Зачем кормить, если он больше не ест?

Проклятый Мо Цзиньхань, все еще обращается с ним как с ребенком.

Хотя в душе он бранился, Жуань Вэньюй все же послушно открывал рот.

Он уже давно не получал такой заботы.

Даже если внутри него тысячи голосов кричали, что он не простит, называли Мо Цзиньханя подлецом и черствым человеком, Жуань Вэньюй не мог отвергнуть его нежность. Он отчаянно в ней нуждался.

Он боялся, что его бросят, боялся потерь, и за каждый проблеск тепла готов был цепляться изо всех сил, но при этом страшился, что не сможет его удержать.

Он всегда стоял на распутье, раздираемый противоречиями: хотел любви, но боялся ее принять.

Тот сильный жар в детстве заставил его еще больше бояться госпожи Мо. Он вечно дрожал, опасаясь, что в один прекрасный день его просто выставят за дверь. Поэтому с того дня, стоило госпоже Мо появиться, он прятался наверху и не спускался даже к обеду.

Мо Цзиньхань молчаливо принимал такое поведение.

После того случая в больнице, с тем самым объятием, он больше не приближался к нему, даже отдалился.

Маленький Вэньюй не понимал причин перемен. Он часто ждал до глубокой ночи, пока не засыпал, но так и не дожидался Мо Цзиньханя, чтобы тот вышел из кабинета и сказал хоть слово.

Лишь во сне он слышал:

— Потерпи еще немного.

Голос звучал по-детски, но в тоне слышалась неожиданная твердость.

Что терпеть?

Он терпел до тех пор, пока Мо Цзиньханю не исполнилось пятнадцать. Тот уехал из дома на целую неделю, якобы на зарубежный конкурс и важный прием, велел дяде У присмотреть за Вэньюем, и просто ушел.

Почему он даже не попрощался? Маленький Вэньюй, подавленный, лежал на подоконнике, глядя, как удаляется машина, и его сердце улетало вслед за ней.

Они уже очень, очень давно не проводили время вместе, не говорили по душам. Наверное, Мо Цзиньхань его больше не любит, у-у-у...

Чем больше маленький Вэньюй думал об этом, тем грустнее ему становилось. Он спрятался от всех, выплакался, а следом на него обрушилась простуда с высокой температурой, и он проболел целую неделю.

Лишь когда Мо Цзиньхань, уставший с дороги, вернулся домой, Жуань Вэньюй едва нашел в себе силы приободриться. Он открыл влажные от слез глаза, глядя на него, и хотел задать столько вопросов, но не мог вымолвить ни слова.

Мо Цзиньхань всегда, возвращаясь, сначала принимал душ и переодевался, прежде чем подойти к постели, но в этот раз он этого не сделал.

С растрепанными волосами, с каплями дождя на плечах, он опустил на корточки и впервые за долгое время погладил маленького Вэньюя по голове, сказав:

— Больше не нужно бояться.

Госпожа Мо больше не вернется.

Отныне здесь все принадлежит Мо Цзиньханю, и только он имеет право решать, кому остаться, а кому уйти.

Маленький Вэньюй слушал его, пребывая в тумане, не понимая всего до конца, но потерся щекой о его руку, всем своим видом выражая доверие:

— Пока брат рядом, я ничего не боюсь.

Одно лишь касание Мо Цзиньханя легко развеяло тревогу, копившуюся долгое время.

Он уже не помнил той тоски, когда Мо Цзиньхань уезжал, не помнил страха, что его бросят и разлюбят.

Он все еще был болен, был еще мал и не имел сил размышлять. Ему было достаточно того, что Мо Цзиньхань рядом, и он всем сердцем прильнул к нему. А радость от того, что госпожа Мо больше не вернется, накрыла его с головой лишь на следующий день.

<http://bllate.org/book/20910/2114584>